

Автопортреты без автора

Александр Кибовский

Среди обширной русской иконографии есть портреты, которые постоянно привлекают внимание не благодаря своим художественным достоинствам, а в силу изображённых на них персонажей. За долгие годы они постепенно обрастают легендами, расставаться с которыми бывает тяжело, но тем не менее — необходимо.

Николай Александрович Бестужев — один из самых интересных героев движения декабристов. 14 декабря 1825 года он вывел вместе с единомышленниками на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж, за что был приговорён к пожизненной каторге. Человек разносторонних талантов, Бестужев, помимо прочего, прекрасно владел кистью. Находясь в Сибири, он в совершенстве освоил акварель. Его брат Михаил Бестужев вспоминал: «У нас с ним было намерение составить по возможности полные биографии всех наших товарищей, и брат имел намерение приложить их к коллекции портретов, нарисованной им акварелью с изумительным сходством».

Всего Бестужев нарисовал 128 портретов заключённых Читинского острога и Петровского завода.

▲ Николай Александрович Бестужев, автопортрет. Петровский завод, 1837–1839 годы. ГМИИ имени А. С. Пушкина

Подлинники он старался оставлять у себя, а самим персонажам отдавал копии. Но иногда в силу разных обстоятельств ссыльной жизни товарищи забирали оригиналы. После смерти Бестужева его сестра Елена привезла портреты в 1858 году в Москву, где вскоре продала их известному фабриканту, издателю, меценату и коллекционеру Козьме Солдатёнову. Больше сорока лет он владел уникальным собранием. Но, как ни странно, «Козьма Медичи», прозванный так по аналогии с флорентийским покровителем искусств XV века Козимо Медичи, ничего не сделал для изучения и публикации портретов. А после смерти Солдатёнова в 1901 году следы коллекции Бестужева и во все затерялись.

В 1944 году искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн разыскал в Москве бывшего сотрудника Солдатёнова, у которого

► Неизвестный штаб-офицер 19-го флотского экипажа. Портрет 1810-х годов. Всероссийский музей А. С. Пушкина. Раннее: автопортрет Н. А. Бестужева, 1814–1815 годы

оказалось собрание Бестужева — 76 рисунков, в том числе 68 портретов декабристов. В связи с этой находкой Зильберштейн подготовил большую научную работу о Бестужеве как художнике и опубликовал её в 1956 году в специальном выпуске сборника «Литературное наследство».

Помимо серии, сделанной в Сибири, Зильберштейн попытался также найти произведения Бестужева, написанные им до восстания. По мемуарам и переписке было известно, что он делал миниатюрные портреты гуашью в стиле популярного французского художника Изабе. Но считалось, что ранние работы Бестужева не сохранились. Зильберштейн убедительно доказал его авторство для известного портрета брата — писателя Александра Бестужева (Марлинского). Исполненный в 1823 или 1824 году, он полвека хранился у сестёр, а ныне находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Петербурге (ВМП).

Помимо портрета брата Зильберштейн предположил, что Бестужев являлся автором двух собственных изображений. Первый такой автопортрет тоже хранится в ВМП. На маленькой гуаши (8 x 7,2 см) мы видим морского офицера, который, судя по номеру на эполетах, служил в 19-м корабельном экипаже. Он и правда похож на другие портреты декабриста. По мнению Зильберштейна, «в лейтенанты Николай Бестужев был произведён в июле 1814 года, вскоре он был назначен в 19-й флотский экипаж и служил там до конца 1815 года». Правда,

никаких ссылок на источники этой информации в книге нет, хотя весь труд пестрит ими — 728 ссылок на 380 страниц текста! Сразу закрадывается сомнение. Ведь флотские экипажи появились лишь 1 марта 1816 года. До этого они делились

Нет оснований полагать, что перед нами автопортрет декабриста

на корабельные и гребные. Как бы там ни было, с тех пор гуашь хранится в ВМП как автопортрет Бестужева с датировкой 1814 или 1815 год.

Но не все согласились с такой атрибуцией. В 1959 году известный специалист по форме одежды Лев Львович Раков обратил внимание, что у Бестужева эполеты с бахромой, которые полагались штаб-офицерам. Между тем чин капитан-лейтенанта декабрист получил лишь 12 декабря 1824 года. «Таким образом, — заключил

Раков, — перед нами портрет, который не мог быть выполнен раньше, чем за год до восстания». К сожалению, книга Ракова так и не увидела свет, и его замечание осталось лишь в рукописи, сохранившейся в РНБ.

Хотя Раков читал послужной список Бестужева, он почему-то не придал значения ещё одному важному обстоятельству — «большие эполеты» декабрист носил сначала в 11-м флотском экипаже, а затем в Восьмом. А вот в 19-м экипаже он вообще никогда не служил! По моей просьбе авторитетный историк русского флота Алексей Юрьевич Емелин проверил документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота. Согласно им, Бестужев в 1814 году

числился в 46-м корабельном экипаже, в 1815-м — в 32-м корабельном, с 1816 по 1818 год — в 14-м флотском, а с 1819 по 1825-й — в 11-м флотском экипаже. То есть он никогда не носил эполеты с номером 19! Следовательно, нет оснований полагать, что перед нами автопортрет декабриста, поскольку изображённый штаб-офицер вообще не является Бестужевым.

Со вторым «автопортретом» ситуация оказалась сложнее, хотя тут нет никаких сомнений, что на нём изображён Николай Бестужев. Крупная (14,9 x 12 см) миниатюра сначала полвека хранилась в семье, а затем, видимо, от сестёр декабриста перешла к историку Михаилу Ивановичу Семевскому, собиравшему бестужевские реликвии. В 1920-е годы портрет оказался в Государственном музее Революции (ГМР). Но, принятый в фонды запаса, он ни разу не экспонировался. В 1954 году в составе декабристской

части фондов ГМР портрет передали в Отдел истории русской культуры Эрмитажа, где его увидел Зильберштейн.

Эта находка в разгар научной работы над книгой о Бестужеве очень воодушевила Зильберштейна. Он сразу выдвинул версию, что обнаруженная миниатюра — ни много ни мало автопортрет декабриста. В 1977 году труд о Бестужеве был повторно издан отдельной книгой, за которую её автор получил Государственную премию СССР. Хотя в книге повторялся тезис 1956 года, что авторство декабриста приписано «на основании косвенных соображений — лишь предположительно», на практике миниатюра везде стала выставляться и печататься как несомненный автопортрет.

Датировка произведения поначалу не вызывала сомнений. 27 января 1825 года Бестужев был зачислен в Восьмой флотский экипаж, номер которого мы видим на его эполетах. Верхнюю же границу

▲ Капитан-лейтенант Николай Бестужев. Михаил Тербенев, 1825 год
Государственный Эрмитаж
Ранее: автопортрет Н. А. Бестужева

установили 29 марта того же года вроде бы как по хранящемуся в Росийском государственном историческом архиве послужному списку декабриста. Однако при проверке шифра выяснилось, что в архивном деле вовсе не послужные списки, а перечень кавалеров ордена Святой Анны 3-й степени. И в нём 29 марта 1825 года действительно отмечено награждение орденом Бестужева, только не Николая, а его брата Александра, будущего Марлинского. Таким образом, для датировки портрета нет никаких ограничений вплоть до дня восстания.

Зильберштейн восхищался высоким уровнем живописи автопортрета и считал его вершиной творчества Бестужева в петербургский период. Однако массовый выпуск цветных открыток с автопортретом

в 1975 году в честь 150-летия восстания декабристов привёл к неожиданному результату. Московский искусствовед Александр Борисович Савинов, много лет занимающийся русской иконографией и работающий сегодня в музее «Усадьба Лопасня-Зачатьевское», выдвинул версию, что на самом деле это никакой не автопортрет, а работа известного художника Михаила Ивановича Тербенева. Об этом говорит вся техника исполнения. Лицо офицера сначала проложено плотным слоем белил, по которым художник выполнил цветовую проработку акварелью и детализировку графитным карандашом. Белила придают особую плотность изображению лица и как бы подсвечивают акварельные заливки. Светлый образ подчёркивает тёмно-зелёный мундир, целиком написанный гуашью. Золотое шитьё воротника, эполеты и награды визуально составляют удачный переход между тёмным мундиром и светлым лицом персонажа.

Характерным для живописи Тербенева является фон раздельными штрихами карандаша, уходящими к верхней части листа и постепенно исчезающими.

Нет никаких сомнений, что автором портрета является Тербенев

В 1986 году Савинов представил свои выводы самому Зильберштейну, который отнёсся к ним не только с заинтересованностью, но и с энтузиазмом. Он прямо сказал, что «очень рад внесённой ясности, а иначе не совсем мог объяснить, почему художник после такого блестящего «автопортрета»

▼ Лейтенант Аркадий Лесков. Михаил Тербенев, 1826 год
Государственный музей А. С. Пушкина

1825 года уже в Сибири вновь набатывал свою технику». В том же году Савинов сделал устное сообщение об авторстве Тербенева в Отделе истории

русской культуры Эрмитажа и получил поддержку крупнейшего специалиста Галины Александровны Принцевой.

Она даже включила портрет как работу Тербенева в эрмитажную экспозицию в Выставочном зале государственных архивов в Москве. Казалось бы, всё становится на свои места...

Однако в 1988 году вышло третье издание книги Зильберштейна о Бестужеве, где работа Тербенева по-прежнему значилась как автопортрет декабриста. В 1990 году появился прекрасный альбом-каталог Принцевой «Декабристы в изобразительном искусстве».

И в нём портрет Бестужева всё так же был помещён как его автопортрет без всяких оговорок.

В результате до сих пор широко распространена именно такая неверная точка зрения на этот предмет.

Конечно, всё бы мог изменить автограф художника, ведь Тербенев обычно подписывал свои работы. По моей просьбе 28 января 2020 года в Эрмитаже реставратор высшей категории Елена Викторовна Рудакас раскрыла рамку миниатюры. Но увы, портрет оказался обрзан по овалу стекла прямо по изображению, так что подпись художника не сохранилась. Тем не менее нет никаких сомнений, что автором портрета является

▲ Мичман Дмитрий Завалишин. Михаил Тербенев, ок. 1820 года
Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов

Тербенев. Его манера очень характерна и хорошо узнаваема. В 1820-е годы он много работал в Петербурге, в том числе писал моряков — сохранились портреты декабриста мичмана Дмитрия Завалишина (около 1820 года) и лейтенанта Аркадия Лескова (1826 год). Последний по времени очень близок миниатюре Бестужева и позволяет убедиться в полной идентичности всех художественных приёмов. Таким образом, пора поставить точку в этом вопросе и признать, что вместо автопортрета декабриста мы имеем его изображение кисти Михаила Ивановича Тербенева. ▼

Автор — руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук